

26 сентября 2017 года исполнилось бы 80 лет поэту Станиславу Никулину.

У поэта Игоря Таяновского (он жил в Великом Новгороде и несколько лет в Воронеже, приезжал и в Белгород) есть стихотворение о «прелестях» жизни поэта в провинции. Рассказывая почти о райском бытовании, он, в частности, пишет, что «хорошо посылать стихи в журналы самостоком: ты им пошлешь, они тебя пошлют». Это, конечно, ирония, но в советские времена так случалось часто. При каждом журнале и издательстве были литконсультанты, которых еще называли «убивцами», они-то и определяли судьбы провинциальных, и не только, поэтов. Отметив что-то положительное в присланных рукописях, «убивцы» обычно начинали один из абзацев словом «к сожалению», тем самым вынося приговор автору.

Примерно такой ответ я ожидал из журнала «Подъём», когда осенью 1982 года послал свою поэтическую подборку в это издание. Основания на неуспех были. В Белгород я приехал недавно, в местной литературной среде еще не прижился, а в Воронеже и вовсе был никому не известен. Но каково же было мое удивление, когда пришел ответ из редакции. Вот он: «Здравствуйте, Валерий! Ваша подборка произвела на меня радостное впечатление, хорошо, что в Белгороде появился такой интересный поэт. Стихотворения «Простор», «Отъезд», «Есть небо и поле...» будут опубликованы в ближайших номерах журнала. Завотделом поэзии Станислав Никулин». И в марте 1983 года состоялась моя первая публикация в «Подъёме», с тех пор я постоянный автор журнала.

Стас (мы вскоре перешли на «ты») публиковал мои стихи, прозу и публицистику часто, а также тексты Владимира Молчанова, Станислава Минакова, Дмитрия Маматова, Михаила Дьяченко, Татьяны Рыжовой и других белгородцев, хотя в 80-е годы никто из нас еще не был членом писательского Союза. Для него важным было качество материала, а не регалии и звания авторов. Однажды он рассказал по телефону, что один из поэтов, к тому времени уже издавший несколько сборников и принятый в Союз писателей, прислал подборку, которая Никулина не устроила. И он, естественно, вернул ее автору. Тот возмутился и настроил гневное письмо в Воронежский обком КПСС. Стаса вызвали «на ковер», дали указание напечатать стихи жалобщика. И он это сделал, но в подборку включил только стихотворения из уже изданных книг обиженного.

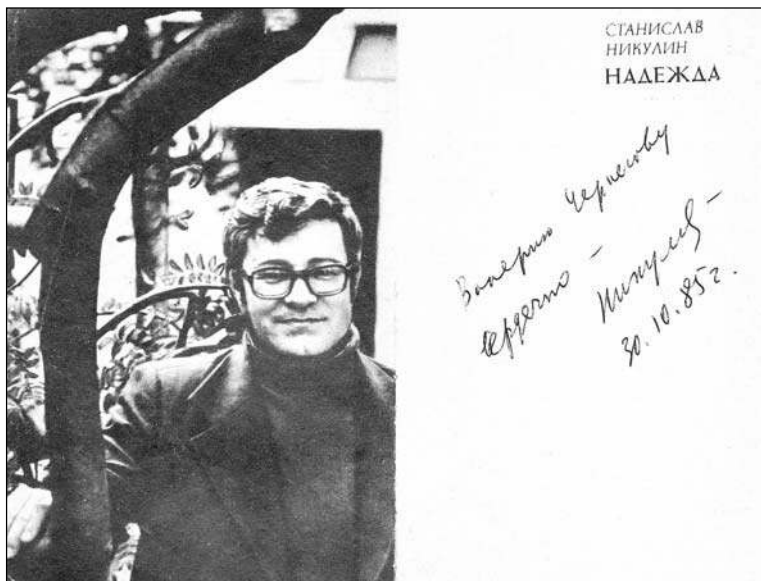
В конце 1987 года Никулин приехал в Белгород, тогда-то мы впервые пожали друг другу руки. Он собирался составлять сборник «Слово о бойце», в который должны были войти стихи о войне не воевавших поэтов — родившихся незадолго до войны, во время нее и уже после Победы. Такая книга увидела свет в 1990 году в Центрально-Черноземном книжном издательстве, в ней напечатаны произведения двадцати белгородских авторов.

В тот приезд, помню, мы сидели в квартире писателя-фронтовика Леонида Григорьевича Малкина. Была застольная дружеская теплая беседа, во время которой Стас больше слушал, чем говорил, хотя он как гость, казалось, мог вести себя и по-другому. Уроженец села Михайловка, что на Тамбовщине, он окончил филологический факультет Воронежского университета, в нем чувствовалась врожденная интеллигентность, свойственная лучшим представителям русского крестьянства.

Тогда Стас взял большую подборку моих стихотворений, и она вышла в июньском номере «Подъёма» за 1988 год. Семь стихотворений, в том числе триптих «Над «Словом о полку Игореве», «Былинное», «Он и она», «Из детства», которые я до сих пор считаю своей поэтической удачей. Причем, публикация была сопровождается автобиографической справкой и фотографией — так в номере был представлен только я.

Иногда мы перезванивались, переписывались, обменивались книгами. У меня хранятся сборники Станислава Никулина «Надежда», «Земные голоса» и вышедший к его 60-летию сборник «На расстоянии сердца» с такой надписью: «Валере Черкесову — светлому и душевному человеку со многими хорошими пожеланиями. Стас. 22 декабря 2007 года».

Сохранились и три письма, написанные пером. Привожу их с небольшими сокращениями. Первое датировано 11 июня 1992 года: «Да, Валера, времена настали не лучшие. А куда деваться? Жить-то надо... Хотя все мы и Россия — Богом забытая. Может, и года в том виноваты, что радости никакой нет и, наверное, у нас уже не будет. А прошлым (ведь было там хорошее) не наживешься и не нады-

Титульный лист книги С. Никулина «Надежда» с автографом автора

шпишься. Да и слово родное в тягость стало — не пишется и не хочется писать. И вспоминается только «Я б хотел забыться и заснуть...». И тогда, и сегодня, и завтра люди страдали, страдают и будут страдать. Не для покоя и счастья рождаются они на земле. Это — не их, не наш удел. И все-таки — пиши. Я, правда, понял, что это не главное в жизни. Сердечный привет Малкину, Жуковскому, Шаповалову, Молчанову».

Второе он отправил 14 декабря 1998 года: «Рад был твоей весточке: ведь сейчас многое не надо человеку — одно доброе слово, да и хватит. С остальным — дело сложнее. Забот по горло, но твою просьбу выполняю сразу — высылаю журнал с твоими стихами. Правда, не знаю, когда ты его получишь. С деньгами на переписку в журнале туго. Большой привет Молчановым».

Третье письмо датировано 28 апреля 2005 года: «Дорогой Валера, спасибо за сборник «Крестный путь». Обязательно прочитаю, как освобожусь. Сейчас доделываю 11 и 12 номера за этот год. Журнал выходит с трудом: денег нам на типографские расходы не дают. Обеспечивают только скромный гонорар и скромную зарплату. Наш директор постоянно ходит с протянутой рукой, чтобы набрать нужную сумму на выпуск очередного номера. А стихов присылают и приносят много. Буду крутиться и выбирать лучшие. Будь здоров. Привет всем ребятам». Как видим, Стас в каждом письме передавал приветы белгородским писателям, с которыми встречался во время приезда к нам, ибо, как понимаю, ощущал душевное родство.

Из писем также понятно, что Никулин и в самые трудные для «Подъёма» годы жил журналом, в то время он стал ответственным секретарем, на котором лежала вся работа по формированию номеров. И с ней Станислав справлялся. «Подъём» выстоял, остался заметным в литературном пространстве, в том числе и потому, что не снизил свой уровень, печатая лучшие образцы поэзии и прозы не только авторов, живущих в Центральном Черноземье, но и всей России.

В 2005 году в Воронеже увидела свет антология стихов о войне «Шел солдат...», в нее вошли стихотворения поэтов Центрального Черноземья, воевавших и не воевавших. Ее составил Станислав Никулин. Когда книга вышла, он позвонил мне и сказал, что у него есть авторские экземпляры, и он может передать сборники в Белгород. Несколько раз я ходил на автовокзал, встречал автобус с его посылками. Так антология оказалась в библиотеках нашего города. За составительскую работу Стас был удостоен международной литературной премии «Прохоровское поле», но на ее вручение поэт не смог приехать: в то время он уже тяжело болел.

Весной 2011 года я отправил Станиславу свое «Избранное», но он не успел его получить. В этой книге есть стихотворение, посвященное моему старшему товарищу:

Когда отойдешь от болезни,
и взгляд обострится, и слух —
услышишь в просторах небесных
печальные светлые песни
закатов и скорых разлук.

И слов еще не понимая,
мелодии станешь внимать:
вот осень звенит золотая,
зовет перелетная стая...
Не стыдно и зарыдать!

Валерий ЧЕРКЕСОВ,
член Союза писателей России

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Если бы Станислав Никулин не был талантливым лириком и не написал бы ни одного стихотворения, поэзия все равно посчитала бы его своим за ту огромную подвижническую работу, которую он совершил, собрав сочинения поэтов Воронежского края, отредактировав и составив три коллективных сборника, ценность которых будет возрастать из года в год.

Это, прежде всего, книга стихотворений о Воронеже «Есть город в России» (2004). Совокупное творчество, своеобразная картина родного города, признание ему в любви. Во второй книге, «Шел солдат» (2005), собраны стихотворения 149 поэтов-фронтовиков и детей войны — летопись дней и событий Великой Отечественной и военного тыла, основным лейтмотивом здесь можно назвать строку из стихотворения Адольфа Беляева: «Я помню все, я видел это сам...» Заслугу Станислава Никулина в деле издания этих книг трудно переоценить. Но был еще и двухтомник «Земная колыбель» (2008), в котором он собрал стихи нескольких поколений поэтов Воронежского государственного университета. Три объемные книги всего за четыре года, притом, что в это же время поэт активно работал над собственными стихами, вошедшими в сборник «На расстоянии сердца» (2006).

Он не был «громким» поэтом. Его стихи спокойны, как течение нешироких речек Воронежского края, и так же нежны и светлы, трепетны и благодатны. В наш век всеобщей суеты и спешки они нужны каждому, чтобы окунуться в них, почувствовать их благотворную чистоту и ласку.

Он из поколения детей войны, поэтому его стихи о войне и военном времени так пронзительны и достоверны. Его поэзия — это признание в любви к родному краю, к каждой травинке и дереву, к селу Михайловка Шпикуловского района, к Воронежу. Говоря о них, поэт от своей малой родины обращает взор в дали дальние, осознавая всю необъятность Отчизны, убеждая нас в том, что от родного угла, как от истока, начинается большая Родина — Россия.

Минуло шесть лет, как он ушел. И нельзя не упомянуть о верной спутнице поэта Зое Алексеевне Никулиной, которая делает многое, чтобы сохранить память о нем: публикует его стихотворения, издает книги. Я уверен, что строки Станислава Никулина, искренние, душевные, опубликованные в этом номере журнала, запомнятся каждому, кто неравнодушен к поэзии.

Станислав Николаевич Никулин. 1978 г.

Михаил КАМЕНЕЦКИЙ,
член Союза российских писателей

Сентябрь мой,
месяц тишины и
лета светлой паутины,
твои созревшие рябины
огнем и горечью полны.

Сентябрь мой,
месяц тишины
души моей и вдохновенья,
я захожу в твои владенья,
где дали все еще ясны.

Сентябрь мой,
месяц тишины,
необъяснимого покоя —
как бы привал перед борьбою,
где дни и ночи холодны...

* * *

Беспечной юности черты
не пощадила наша зрелость...
Какой была красивой ты,
и как легко тогда мне пелось!

Всходила тайная звезда
и затмевала все собою,
и даже черная беда
нечерной виделась бедою.

Но много августов твоих
и сентябрей моих сгорело,
и горький дым летит от них,
летит к звезде осиротелой.

Недолгий или долгий путь
отпущен нам, о том не знаю.
Но я не огорчен ничуть,
что ты теперь совсем другая.

Пришла пора — стареем мы
и незаметно, и незримо.
Неуловим приход зимы,
как связь времен неуловима.

ПЯТИДЕСЯТЛЕ ГОДЫ

Как томительно-сладко
вспоминаю порой
старый вальс, танцплощадку,
шумный сад городской!

В белых платьях невесты,
робки взгляды ребят.
Духовые оркестры
по России гремят.

Не исчезла усталость,
было не до одежд,
но уже начиналось
время новых надежд.

И под небом, и в зале,
и в Москве, и в глуши
нам оркестры играли
старый вальс от души.

И девчата пьянели
от любви и весны...
И без страха глядели
в завтра дети войны.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

Она зашлась, как будто горе
ей не чужое, а свое —
и вот уже другая вторит,
и вот уже ведут вдвоем:

«Отходили резвы ноженьки,
отмахали белы рученьки,
отсмеялись уста сахарны.
Глубока твоя могилушка,
без окошек домовинушка...»

А он лежал, лицом спокоен,
под темнотой закрытых век,
известный пахарь, бывший воин, —
ну, в общем, русский человек.

Рыдали бабки и солдатка
среди сельчан своих, родных...
Как нужно жить самим несладко,
чтоб так вот
плакать за других!

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Речей и слов
не надо броских,
ты просто молча здесь постой.
Не всем лежать
у стен Кремлевских,
но всем лежать в земле сырой.

Живут они в сердцах и песнях,
ушедшие в последний бой.
Россия,
стала ты известней
от неизвестности такой.

В твоих исканиях и взлетах,
в твоей судьбе так велики
и безымянные высоты,
и безымянные стрелки.

У времени на перекрестках
немало полегло солдат...
Не все лежат
у стен Кремлевских,
но все за них в земле лежат.

СВЕТ МАТЕРИНСКИЙ

Эта боль все острее и острее,
не проходит и спать не дает:
мама, мама, ты стала седее
и от времени, и от невзгод.

На веку ты узнала такое,
что совсем не досталось другим,
но улыбкой твоей золотою
я всегда от худого храним.

Я пришел к тебе
в час непогожий
посидеть у печного огня.
Знаю, ты и сегодня поможешь,
как никто, успокоишь меня.

За окошком отчаянный ливень —
и от этого как-то грустней...
Чтобы в жизни
тебя осчастливить,
мне не хватит всей жизни моей.

ЧЕРНУШКА

Я глаз таких не видел у зверей:
они полны нездешнею печалью,
они живут другой какой-то далью,
где все совсем не так, как у людей.

Кто ты тогда?
И чья в тебе душа
мне не дает давно уже покоя?
Когда встречаюсь снова я с тобою,
гляжу в глаза —
и трудно мне дышать.

Когда же угадаю твой каприз —
каприз, он ведь бывает и собачий, —
то радостный, то приглушенный визг
сравним, скорее,
с жалобой иль плачем.

Нет, видно, не дано тебя понять,
задумчивая добрая Чернушка.
Давай-ка лучше почешу опять
или поглажу беленькое брюшко.

Беда уйдет от нас за окоем,
как прочь уходят и дожди, и вьюги...
Мы станем думать каждый о своем,
а будет выходить —
что друг о друге.

* * *

Не считал, не мерил,
сколько пройдено,
честно, не оглядываясь, жил,
не кривил душою перед Родиной
и перед любимой не кривил.

Я не знал ни скупости, ни зависти,
перед правдой
взгляд не отводил.
Вызрели не все, конечно,
завязи —
значит, просто не хватило сил.

Только то,
что сделано и начато,
что давно развеялось, как мрак,
болью непридуманной оплачено...
И простите,
если что не так.